

Султангалиева Г.С.,
Тулешова У.Ж.

**Султаны Баймухамедовы:
процесс вхождения
в дворянство Российской
империи**

В данной статье рассматривается механизм вхождения представителей казахской элиты на примере султанов Баймухамедовых в состав чиновничества и привилегированного сословия Российской империи – дворянства. Основанием этому стали административные реформы первой половины XIX в., проводимые российской властью на территории Младшего и Среднего жузов. В результате начался процесс разрушения традиционных социально-политических структур посредством ликвидации традиционной системы (ханов) и создание новых сословных групп с 20-х гг. XIX в. (казахского чиновничества). В этом контексте старшие султаны (на территории Среднего жуза), султаны-правители (на территории Младшего жуза) стали наиболее организованной и влиятельной социальной группой в практической реализации политических замыслов российской власти и единственными носителями власти в кочевом обществе до конца 60-х годов XIX в. Новизной данного исследования является то, что впервые в отечественной историографии рассматривается процесс вхождения потомков ханской династии хана Младшего жуза Абулхайра – Баймухамед Айшуакова и Мухамеджан Баймухамедова в социальную систему российского чиновничества (награждение военными чинами, орденами и медалями) и в привилегированное сословие Российской империи – дворянство. Материалы статьи основаны на документах, извлеченных их фондов ЦГА РК и исторической литературы.

Ключевые слова: старшие султаны, султаны-правители, сословия, дворянство, чиновники.

Sultangalieva G.S.,
Tuleshova U. Zh.

**The Baymukhamedov sultans:
process of entry into the nobility
of Russian Empire**

In this article is considered the mechanism of entry representatives of the local elite, on the example of the Baymukhamedov sultans, in the structure of officials and exclusive estate of Russian Empire – dvoryanstvo (nobility). The base for this was administration reforms of the first half of XIX century, which pursued by the Russian Empire in Young and Middle zhuz territory. In result, began the process of destruction of traditional socio-political structures through liquidation of the traditional system (khans) and creation of new class groups from 20th years of XIX century. In this context, the senior sultans (in the territory of Middle zhuz), sultan-rulers (in the territory of Young zhuz) became the most organized and influential social group in the practical realization of political plans of Russian Empire, also had only power in nomadic society until the end of the 60th of XIX century. The novelty of this research is that firstly in domestic historiography is considered the process of entry of descendants Abylkhair khan, the khan of Young zhuz – Baimuzhamed Aishuakov and Mukhamedzhan Baymukhamedov on social system of Russian official (rewarding with military ranks, awards and medals) and also on exclusive estate of Russian Empire – dvoryanstvo (nobility). Materials of the article are based on documents which are taken from CSA of the RK and historical literature.

Key words: senior sultans, sultan-rulers, estates, nobility, officials.

Султангалиева Г.С.,
Тулешова У.Ж.,

**Баймухамедов сұлтандары:
Ресей империясы
дворяндығының құрамына
кіру үрдісі**

Берілген мақалада Баймухамедов сұлтандары мысалында, жергілікті элита өкілдерінің, шенеунік құрамына және Ресей империясының үстем табы – дворяндыққа ену механизмі қарастырылады. Ресей билігінің Кіші және Орта жүз территориясында XIX ғ. бірінші жартысында жүргізген реформалары бұған негіз болды. Нәтижесінде, дәстүрлі әлеуметтік-саяси құрылымның ыдырау процесі дәстүрлі жүйенің (ханның) жойылуы арқылы жүзеге асып, XIX ғ. 20-жылдарынан бастап жаңа сословиелік топтардың қалыптасуы басталды. Бұл контекстте аға сұлтандар (Орта жүзде) және сұлтан билеушілер (Кіші жүзде) ресейлік билікті жүзеге асырудағы ең ұйымдасқан әрі ықпалды әлеуметтік топқа айналып, XIX ғ. 60-жылдарына дейін көшпелі қоғамдағы билікке жеке дара ие болды. Бұл зерттеудің жаңашылдығы: отандық тарихнамада алғаш рет Кіші жүз ханы Әбілхайыр ұрпақтарының – Баймухамед Айшуақов пен Мұхамеджан Баймухамедовтың ресейлік шенеунік жүйесімен (әскери шен, ордендер мен медальдар беру) қатар дворяндық Ресей империясының үстем сословиесі – дворяндыққа ені механизмі қарастырылған. Мақала материалдары ҚР ОММ қорларынан алынған құжаттар мен тарихи әдебиеттерге негізделген.

Түйін сөздер: аға сұлтандар, сұлтан билеушілер, сословиелер, дворяндық, шенеуніктер.

СУЛТАНЫ БАЙМУХАМЕДОВЫ: ПРОЦЕСС ВХОЖДЕНИЯ В ДВОРЯНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Введение

Реформы первой половины XIX в., проводимые российской властью на территории Младшего и Среднего жузов, затронули многие сферы жизнедеятельности казахского кочевого общества. Начался процесс разрушения традиционных социально-политических структур, ликвидация ханской власти и создание новых сословных групп с 20-х гг. XIX в. В этом контексте старшие султаны (на территории Среднего жуза), султаны-правители (на территории Младшего жуза) стали наиболее организованной и влиятельной социальной группой в практической реализации политических замыслов российской власти и единственными носителями власти в кочевом обществе до конца 60-х годов XIX в. Наделение их исполнительной властью в среднем звене управления, назначение им жалования (1200 рублей серебром) дополнительно к этому (60 четвертей муки), а при выходе в отставку пожизненной пенсии, превращало их в чиновников Российской империи. Свидетельством включения привилегированного сословия казахского общества, султанов, в частности, в состав российского чиновничества стал процесс наделения их чинами. В параграфе 51 Устава о сибирских казахах (1822) отмечено, что «старший султан имеет быть везде признаваем и почитаем в чине майора российской службы, пока пребывает в должности». Более того, в следующем параграфе (52) подчеркнuto: «... и ежели прослужит три срока, имеет право просить диплом на достоинство дворянина Российской империи (Материалы по истории политического строя Казахстана, 1960: 95). Эти документы обратили наше внимание на процесс наделения старших султанов чинами и вхождение их в высшее сословие Российской империи – потомственное и личное дворянство. Чины, ордена стали заметным признаком службы казахских султанов. Практически за свою службу они продвигались от чина майора российской службы до подполковника, полковника и генерал-майора. В этом ракурсе особенно выделяется служба султанов-правителей Баймухамед Айчуваков (Западная часть Орды, 1837 – 1847 гг.) и Мухаметжан Баймухамедов (Средняя часть Орды, 1855 – 1869 гг.). Оба (отец и сын) дослужились до чина ге-

нерал-майора и вошли в дворянское сословие Российской империи.

Таким образом, в казахском кочевом обществе появилась новая социальная группа – дворянство. Из этого следует и задача данного исследования – проследить процесс вхождения султанов – правителей Баймухамедовых в привилегированное сословие Российской империи.

Материалы и методы

Эмпирическую основу данного исследования составили формулярные и послужные списки, составленные на Баймухамеда и Мухамеджана Айчуваковых, переписка их с российскими властями, доклады, рапорта, прошения.

Методологическая основа исследования опирается на новые подходы в изучении особенностей имперского строительства многонациональной Российской империи, когда создавались различные модели управления для интеграции разных территорий и культур в единое имперское пространство. Комбинация многослойных, переплетенных полномочий с множеством юридических статусов и режимов дала империи гибкость в правительстве, которое в некоторой степени гарантировало их длительное существование (Burbank, Cooper, 2010).

Обзор литературы

В современной мировой исторической науке исследования проблемы вхождения других народов в социально-политическую систему Российской империи являются актуальными (Kappeler 2001, Герасимов 2004, Freez 1986). Изучение механизма интеграции местной элиты в административно-политическую структуру империи в последние годы стало особенно привлекательным. Нужно отметить, что существовали общие критерии инкорпорации народов Империи в состав высшего сословия – потомственное и личное дворянство, а именно посредством внедрения «Табеля о рангах», в котором был заложен механизм получения чина, продвижения по служебной лестнице (Шепелев, 1991). В этом ракурсе интерес представляет исследование Кэлли Онейл (Kelly O'Neill, 2010), посвященное процессу взаимодействия местной элиты с региональной администрацией как отражение ключевого элемента в отношениях центра и периферии (Kelly O'Neill, 2010: 398). Как мы видим, изучение процесса рекрутирования представителей местной элиты в состав чиновничества

Империи являлось, с одной стороны, частью общего вопроса интеграции нерусского населения в государственную систему многонациональной империи, а с другой стороны, создавало условия для вхождения их в российское дворянство. Уже в конце XVIII в. Екатерина II попыталась определить и положение казахских султанов в сословной системе Российской империи, которые, по ее мнению, «могут быть почитаемы за князей» (Указ от 14 марта 1776 г.). (Крафт, 1900: 81). В современной исторической науке предпринимаются попытки изучения процесса формирования мусульманского дворянства в работах историка Арапова Д.Ю. (Арапов, 1999), башкирское и татарское дворянство в трудах таких исследователей, как Ильясова А. (Ильясова, 2006), Азнабаев Б.А. (Азнабаев, 1999), Еникеев С. (Еникеев, 1999). Конечно, каждый регион имел свои отличия, заключавшиеся в характере социальной адаптации местного общества к новым изменившимся условиям. К концу XIX в. по данным известного исследователя Д.И. Арапова, в России количество мусульман – потомственных и личных дворян и классовых чиновников (с семьями) составляло 5% от общего числа дворян Империи. Вопрос кооптации представителей казахского населения в состав российского чиновничества стал объектом исследования Г. Султангалиевой, Т. Далаевой, С. Удербасовой (Султангалиева, 2009)

Одна из первых работ, где исследуется жизнь и служба султана-правителя Баймухамеда Айчувакова, явилась работа Касымбаева Ж.К., (Касымбаев, 2000). Автор рассмотрел личность с двух позиций: со стороны правительства и местного народа, и дал объективную оценку его деятельности. По утверждению историка Ж. Касымбаева, Баймухамед Айчуваков, являясь чиновником имперской власти, также старался отвечать нуждам своего народа. Автор попытался всесторонне рассмотреть его служебные отличия, но не процесс вхождения его как чиновника в дворянство Российской империи.

Баймухамедовы как чиновники региональной системы управления

Баймухамедовы являлись представителями династии хана Младшего жуза Абулхаира (1693-1748). Баймухамед Айчуваков – второй сын хана Младшего жуза Айшуака (1798-1810), брат Жанторе хана, убитого в 1809 г., султанами Каратаем и Орманом. Будучи молодым, Баймухамед неотступно сопровождал своего отца Айшуака в повседневных поездках по степным просторам, набирался опыта. 21 октября 1815 г.

стал управляющим племенным объединением Жетыру Младшего жуза (ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д.2465. Л.1.). 15 февраля 1817 года оренбургский губернатор Г.С. Волконский прельщенный энергичной службой молодого родоправителя, удостоил его «похвальным аттестатом» (ЦГК РК. Ф.4. Оп. 1. Д.1616. Л.2.). Согласно исследованию Ж. Касымбаева и данным формулярного списка, Б. Айчуваков получал большинство своих наград за освобождения казаков из плена, в задержании казахов, совершавших нападение на пограничную линию, «в отыскании похищенного в разное время с линии скота» и т.д. (ЦГК РК. Ф.4. Оп. 1. Д.1617. Л.2.). Авторитет султана в регионе Младшего жуза постепенно возрастал, искали его благорасположения не только на этой территории, но и сторонники вновь возведенного на ханство во Внутренней орде хана Жангира. Одновременно возрастало к нему и доверие комендантов форпостов, крепостей на Уральской линии и региональной администрации (Оренбургской пограничной комиссии, канцелярии оренбургского генерал – губернатора). Оренбургская администрация постоянно отмечала его усердие в исполнении возложенных на него поручений, за что он и удостоился «золотой печати» (ЦГК РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 2465. Л.3-6.).

В 1824 г. был введен новый порядок управления в казахских землях Младшего жуза, законодательно отразившийся в документе «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем». Территория казахских земель Младшего жуза была разделена на три части: Восточная, Средняя, Западная, во главе которых были назначены султаны-правители, а ханская власть отменена. Конечно, введение административной реформы отразилось и на судьбе султанов Баймухамедовых. На первом этапе внедрения института султаната (1824-1834) наблюдалась частая смена султанов-правителей. Региональная администрация отмечала в этот период бездеятельность и игнорирование «предписаний начальства» султанами-правителями, медлительность, непоследовательность в их действиях при управлении подведомственными им казахами. Особенно это ярко проявилось в управлении Средней части казахов Оренбургского ведомства, где за два года (1824-1826) сменилось три султана-правителя (султаны Темир Ералиев, Мати Мухамметгалиев, Медетгали Турдалиев). Вероятно, это было связано с незавершенностью Правил 1824 года, которые ограничивались только общим принципом уст-

ройства управления казахов Оренбургского ведомства, но не определяли функции, направление деятельности всех звеньев управления. Такая же картина складывалась и на территории Западной части казахов Оренбургского ведомства. Назначенный на должность султана правителя этой территории Чингали Урманов был сослан в ссылку в Уфу за участие в движении султана Каип-Гали. В результате региональная администрация посчитала, что более достойной кандидатуры, чем султана Баймухамед Айшуакова, на должность султана-правителя нет. 1 сентября 1831 года Баймухамед Айшуаков был утвержден на этой должности, ему были вручены символические знаки власти – знамя с императорским гербом, золотые сабли и специальные инструкции, которыми он должен был руководствоваться при управлении вверенной ему им частью. Вот так успешно началась для Баймухамеда его карьера султана-правителя, занимаемого им до самой смерти. Ему было назначено жалование, сумма которого в год составляла 1200 рублей серебром, дополнительно 60 четвертей муки. Кроме того, в отличие от других султанов, Баймухамед Айшуаков за усердие и готовность к исполнению возложенных на него поручений Пограничной комиссии с разрешения Оренбургского военного губернатора получал по 50 копеек в день кормовых денег во время приездов в Оренбург по делам службы (ЦГА РК, ф. 4, д. 1616, лл. 2-10.). За все время своего правления был награжден золотым перстнем с эмалью от Оренбургского военного генерал-губернатора, золотой медалью на Александровской ленте с надписью «За усердие», орденом Св. Станислава 3-й степени (ЦГА РК, ф. 4, д. 1617. Л. 8-9). Баймухамед Айшуаков за короткий период прошел от чина войскового старшины (1836) до чина полковника (1840) (ЦГА РК, ф. 4, д. 1617. Л. 8-9). В 1847 г. Б.Айшуаков весной был приглашен в столицу, где был принят императором Николаем I и пожалован высоким военным чином – генерал-майора. По возвращению из Петербурга 30 марта 1847 г. трагически погиб при разливе реки Илек (ЦГА РК, ф. 4, д. 1617. Л.9).

Баймухамед Айшуаков являлся бессменным султаном-правителем Западной части Младшего жуза на протяжении семнадцати лет (с 1830 по 1847), который вел обширную переписку со многими известными личностями, старался вовлечь своих соплеменников к просвещению, добивался открытия за собственный счет школы для бедных казахов, строго соблюдал мусульманский пост (Касымбаев, 2000: 7-8).

Занимая высшую должность в новой административной структуре казахов Оренбургского ведомства, Баймухамед Айшуаков внес весомую лепту в создании спокойной обстановки в Младшем жузе. Его служебная карьера, во многом зависящая и от позиции Оренбургского начальства, и от чингизидской среды, в целом поражала современников. По сведениям дореволюционного исследователя Мейера, казахи боялись его как сильного человека и «притворно уважали его» (Мейер, 1865: 42-43). 30 марта 1847 года, возвращаясь из Санкт-Петербурга, Баймухамед Айшуаков утонул при переправе через р. Илек. В послужном списке Б.Айшуакова имеются сведения о его семье. В частности он имел семерых сыновей. Старшим был Мухамеджан, который помогал своему отцу в управлении Западной частью и более того даже исполнял обязанности султана-правителя, когда его отец отсутствовал по служебным делам. К примеру, с 22 мая по 2 сентября 1841 года он исполнял обязанности султана-правителя, когда его отец, Баймухамед, выполнял дипломатическую миссию с Бухарой и Хивой на р. Сыр-Дарья (История Казахстана в русских источниках, 2006: 37).

Председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев, представляя в 1855 году кандидатуру Мухамеджана Баймухамедова на должность султана-правителя Средней части, писал о нем как уже сформировавшемся чиновнике, который «хорошо знает порядок нашего делопроизводства», самое главное «умного, привычного к управлению», успешно выполнявшего неоднократные поручения Оренбургской администрации (ЦГА РК ф.4 оп.1 д.2745 л.1-2). Действительно, Мухамеджан Баймухамедов к моменту назначения на должность султана-правителя уже имел чин подполковника, 14-летний опыт управления в качестве начальника 8-й дистанции (с 24 февраля 1841г.) (История Казахстана в русских источниках: 368-374). Чиновник особых поручений В. Лазаревский писал о нем, что он «превосходного ума и способностей», по характеру серьезный, твердый «вследствие уверенности и действительности своих распоряжений» (История Казахстана в русских источниках, 2006: 126)

В результате, Мухамеджан Баймухамедов прослужил султаном правителем Средней части казахов оренбургского ведомства на протяжении 14 лет (15.11.1855- 1.01.1869). 24 мая 1869 года был произведен в чин генерал-майора с увольнением от службы и назначением пожизненной

пенсии по 1176 рублей в год (История Казахстана в русских источниках, 2006: 373).

Вхождение Баймухамедовых в Оренбургское дворянское собрание

Включение «инородцев» в состав российского дворянства являлось общероссийской тенденцией, начиная с XVIII века. Но их включение в высшее сословие происходило разными путями и на различных основаниях. Казахское дворянство, так же как и татарское или башкирское, формировалось из представителей местной элиты, которые удостоивались наград, чинов и орденов, позволяющих получить дворянское достоинство.

В 1722–1845 годах потомственное дворянство давалось, начиная: на военной службе – с XIV класса, на гражданской службе – с VIII класса Табели о рангах и при награждении любым орденом Российской империи (с 1831 года – за исключением польского ордена *Virtuti Militari*). С 1845 года из-за обесценивания чинов, вызванного тем, что повышение давалось не за достоинства, а за выслугу лет, была повышена планка вступления в дворянство: для военных – до VIII класса (чин майора) и для гражданских чиновников – до V класса (статского советника), за награждение орденами: Святого Георгия и Святого Владимира любой степени и первыми степенями орденов Святой Анны и Святого Станислава. Потомственное и личное дворянство до начала XX в. приобреталось тремя путями: 1) пожалованием его по особому усмотрению самодержавной власти; 2) достижением определенного чина на действительной службе; 3) в результате пожалования за «служебные отличия» российскими орденами (Свод Законов Российской империи, 1899). Все это также распространялось и на казахов. Как мы видим, основным принципом получения нового социального статуса (дворянства) была служба. Одним из примеров этого процесса инкорпорации было вхождение Баймухамедовых в состав Российского дворянства.

За всю свою службу Баймухамедовы получили ордена Святого Станислава 2 и 3-й степени, Святой Анны 2 и 3-й степени и самое главное чин генерала-майора, который давал им возможность причислиться к потомственному дворянству. 7 июля 1871 года Мухамеджан Баймухамедов обратился оренбургскому генерал-губернатору с просьбой о возведении его в потомственное дворянское достоинство. При этом он объяснял свое желание войти в дворянское сословие Российской империи тем, что правнуки хана Младше-

го жуза Абулхаира, а именно Сахиб-гирей, Ибрагим, и Ахмед-гирей уже возведены в княжеское достоинство и он являлся представителем ханской династии Абулхаира и, более того, сыном генерал-майора Баймухамеда Айшуакова. Генерал-губернатор Оренбургской губернии Н. Крыжановский рассмотрев прошение М.Баймухамедова отметил, что потомственное дворянство приобретает (п.2.) чинами в службе, и «султан Баймухамедов, как произведенный на службу в чин генерал-майора, на основании общих законов ст. 19 того же 9 т., должен быть признаваем, получившим право потомственного дворянства» (Ф. 2300. Оп.14. Д.46. Л.1-3, 1-3 об.). 24 января 1873 Министр внутренних дел вновь подтвердил, что согласно §243 Временного положения об управлении степными областями Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств от 21 октября 1868 года, права и преимущества, присвоенных другим состояниям Российской империи, приобретаются казахами на основании общих законов. Если по статье 19-й, тома 9-го Закона «О состоянии лиц, дослужившихся по порядку военной службы до чина полковника» получают потомственное дворянство, то султан Баймухамедов, отец которого был награжден в 1847 г. чином генерал-майора, и сам проситель «состоящий ныне в этом чине имеет полное право на потомственное дворянское достоинство» (Ф. 2300. Оп.14. Д.46. Л. 17-19).

По сути, с этого времени в делопроизводственной документации дети, а затем и внуки Баймухамед Айчуакова отмечались как потомственные дворяне. В 1914 году уже внуки казахского дворянина Баймухамеда Айшуакова обращались с прошением причислить их детей

к Оренбургскому дворянскому собранию (Ф.25 Оп.1. Д.862. Л. 2, 10).

Заключение

Социальные институты казахских ханов, султанов, биев, старшин оказались в сфере интересов российской власти, так как привлечение их на службу государю и правящей династии давало прямой канал воздействия на остальное местное население и в конечном итоге – контроль над территорией казахских кочевий. Российское правительство в течение почти столетия (30-е годы XVIII – 20-е годы XIX вв.) проявляло прагматизм и политическую терпимость в своих взаимоотношениях с правящей элитой казахов, избегало прямого административного давления, конфронтации и использовало уже те апробированные формы, которые имели результат в других кочевых обществах. (Султангалиева, 2015: 652-653). В первой половине XIX века Российская империя в процессе административно-территориальной реформы обрела социальную опору в лице ага-султанов, султанов-правителей. В свою очередь, кочевая аристократия, желая сохранить свою власть и привилегии, превращалась в чиновников Империи, которые могли получить дворянское достоинство и войти в привилегированное сословие российского государства. Вместе с тем на примере Баймухамедовых можно отметить, что хотя они и вошли в дворянское сословие Российской империи, но не пользовались всеми привилегиями этой группы, они не имели помещичьих имений, не освобождались от налогов и т.д.

Литература

- 1 Азнабаев Б.А. (1999) Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII в. (земледелие, социальный состав, служба). Уфа: Б.и.
- 2 Арапов Д.Ю. (1999) Мусульманское дворянство в Российской империи. Международный исторический журнал, 2-3.
- 3 Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. (2004) Новая имперская история постсоветского пространства. Казань: Центр исследований национализма и империи.
- 4 Еникеев С. (1999) Очерк истории татарского дворянства. Уфа: Гилем.
- 5 Ильясова А.Я. (2006) Формирование башкирского дворянства. Национальные и языковые процессы в Республике Башкортостан: история и современность. Информационный бюл-летень, 138-144.
- 6 Касымбаев Ж.К. (2000) Генерал, султан-правитель Баймухамед Айшуаков (1790-1847). Алматы: өлке.
- 7 Крафт И. Из киргизской старины. Оренбург: типолитография Ф.Б. Сачкова, 1900.
- 8 Материалы по истории политического строя Казахстана (1960). Сост. канд. юрид. наук М. Г. Масевич. Т.1. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР.
- 9 Медушевский А.Н. (1993) Утверждение абсолютизма в России. М.: Текст.
- 10 Миронов Б.Н. (2003) Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) (В 2 т. – 3-е изд., испр., доп. Т.1.). СПб.: Дмитрий Буланин.

- 11 Мейер Л. (1865) Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.
- 12 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. (2006) (Т. VIII. Ч.2.) Алматы: Дайк-Пресс.
- 13 Свод Законов Российской империи (1899). Т. 9. СПб.
- 14 Султангалиева Г.С. (2009) Казахское чиновничества Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX в). Acta Slavica Japonica, Саппоро, 27, 77-101.
- 15 Султангалиева Г.С. (2015) Казахские чиновники Российской империи XIX в.: особенности восприятия власти. Cahiers du Monde Russe. Vol. 56. P. 651-680.
- 16 Шепелев Л.Е. (1991) Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Москва: Наука.
- 17 ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д.2465. Л.1.
- 18 ЦГК РК. Ф.4. Оп. 1. Д.1616. Л.2.
- 19 ЦГК РК. Ф.4. Оп. 1. Д.1617. Л.2.
- 20 ЦГК РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 2465. Л.3-6.
- 21 ЦГК РК. Ф.4. Оп. 1. Д.1616. Л.3.
- 22 ЦГА РК. Ф. 4, д. 1616, лл. 2-10.
- 23 ЦГА РК. Ф.25 Оп.1. Д.862. Л. 2-10.
- 24 ЦГА РК. Ф.2300. Оп.14. Д.46. Л.1-3, 1-3 об.
- 25 ЦГА РК. Ф.2300. Оп.14. Д.46. Л. 17-19
- 26 Burbank J., Cooper F. (2010) Empires in World history. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- 27 Freez G. (1986) The soslovie (Estate) paradigm and Russian social history. American historical review, 92 (1), 11-36.
- 28 Kapeller A. (2001) The Russian Empire: A multiethnic history. New York: Longman.
- 29 Kelly O'Neill (2010) Rethinking elite integration. The Crimean murzas and the evolution of Russian nobility. Cahiers du Monde russe, 51/2-3, 397-418.

References

- 1 Aznabaev B.A. (1999) Ufimskoe dvoryanstvo v konce XVI – pervoi treti XVIII v. (zemledelie, socialnyi sostav, sluzhba). Ufa: B. i. (The nobility of Ufa in the end of XVI – the first half of XVIII century (agriculture, social content, activity)). Ufa: B.I. In Russian.
- 2 Arapov D. Yu. (1999) Musul'manskoe dvoryanstvo v Rossiiskoi imperii. Mezhdunarodnyi istorichesky zhurnal, 2-3. (The Muslim nobility in Russian Empire. International historical journal, 2-3.). In Russian.
- 3 Gerasimov I., Glebov S., Kalpunovski A., Mogilner M., Semenov A. (2004) Novaya imperskaya istoriya postsovet'skogo prostranstva. Kazan: Centr issledovaniia nacionalizma i imperii. (New imperial history of post-soviet space. Kazan: The centre of researching of nationalism and empires.). In Russian.
- 4 Enikeev S. (1999) Ocherk istorii tatarskogo dvoryanstva. Ufa: Gilem. (The sketch of Tatar nobility. Ufa: Gilem). In Russian.
- 5 Ilyasova A. Ya. (2006) Formirovanie bashkirskogo dvoryanstva. Nationalnye i yazykovye processy v respublike Bashkortostan: istoria i sovremennost'. Informacionnyi bul'teten, 138-144. (The formation of Bashkir nobility. National and language processes in the Republic of Bashkortostan: history and the present. Information bulletin, 138-144.). In Russian.
- 6 Kasymbaev Zh. K. (2000) General, sultan-pravitel' Baimuhamed Aishuakov (1790-1847). Almaty: Olke. (General, sultan-ruler Baimuhamed Aishuakov (1790-1847). Almaty: Olke.). In Russian.
- 7 Kraft I. Iz kirgizskoi stariny. Orenburg: tipo-litografiya F.B. Sachkova, 1900. (From Kyrgyz past. Orenburg: typo-lithography of F.B. Sachkov, 1900). In Russian.
- 8 Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (1960). Sost. M.G. Masevich T.1. Alma-Ata: Izd-vo Akad. nauk KazSSR. (Materials of history of political structure of Kazakhstan. Alma-Ata: Publishing house of academy of Sciences of KazSSR). In Russian.
- 9 Medushevskii (1993) Utverzhdenie absolutizma v Rosii. M.:Text. (The statement of absolutism in Russia. Moscow: Text.). In Russian.
- 10 Mironov B.N. (2003) Social'naya istoria Rosii perioda imperii (XVIII–nachalo XX v.) (V 2 t.3-e isd.,isp., dop.T.1.) SPb.: Dmitri Bulanin.(Social history of Russia in empire period (XVIII–nachalo XX v.) (In 2 volumes. 3-rd edition. V.1.)). In Russian.
- 11 Meyer L. (1865) Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva.SPb. (Kyrgyz steppe of Orenburg department. Saint Petersburg.). In Russian.
 - pochetneishih i vliyatel'neishih ordyncah. Istoria Kazakhstana v russkikh istochnikah XVI-XX vv. (2006) (T. VIII.Ch.2.) Almaty: Daik-Press. (About the most honorable and influential people of Hords. History of Kazakhstan in Russian sources of XVI-XX cc. (T. VIII.Ch.2.) Almaty: Daik-Press.). In Russian.
- 12 Polnyi svod zakonov Rossiiskoi imperii (1899). T. 9. SPb. (The complete collection of Russian Empire laws.T. 9. Saint Petersburg). In Russian.
- 13 Sultangaliev G.S. (2009) Kazakhskoe chinovnichestva Orenburgskogo vedomstva (XIX v). Acta Slavica Japonica, Sapporo, 27, 77-101. (Kazakh officials of Orenburg department (XIX c.) Acta Slavica Japonica, Sapporo, 27, 77-101.). In Russian.
- 14 Sultangaliev G.S. (2015) Kazakhskie chinovniki Rossiiskoi imperii v XIX v.: osobennosti vospriyatiya vlasti. Cahiers du Monde Russe. Vol.56. P.651-680. (Kazakh officials of Russian Empire in XIX c.: specialization of the perception of a power. Cahiers du Monde Russe. Vol.56. P.651-680.). In Russian.

- 15 Shepelev L.E. (1991) Tituly, mundiry, ordena v Rossiskoi imperii. Moskva: Nauka. (Titles, uniforms, awards in Russian Empire. Moscow: Science). In Russian.
- 16 ТсГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д.2465. Л.1. (Central State Archive of the Republic of Kazakhstan)
- 17 ТсГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д.1616. Л.2. (Central State Archive of the Republic of Kazakhstan)
- 18 ТсГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д.1617. Л.2. (Central State Archive of the Republic of Kazakhstan)
- 19 ТсГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 2465. Л.3-6. (Central State Archive of the Republic of Kazakhstan)
- 20 ТсГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д.1616. Л.3. (Central State Archive of the Republic of Kazakhstan)
- 21 ТсГА РК. Ф. 4, д. 1616, лл. 2-10. (Central State Archive of the Republic of Kazakhstan)
- 22 ТсГА РК. Ф.25 Оп.1. Д.862. Л. 2-10. (Central State Archive of the Republic of Kazakhstan)
- 23 ТсГА РК. Ф.2300. Оп.14. Д.46. Л.1-3, 1-3 об. (Central State Archive of the Republic of Kazakhstan)
- 24 ТсГА РК. Ф.2300. Оп.14. Д.46. Л. 17-19 (Central State Archive of the Republic of Kazakhstan)
- 25 Burbank J., Cooper F. (2010) Empires in World history. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- 26 Freez G. (1986) The soslovie (Estate) paradigm and Russian social history. American historical review, 92 (1), 11-36.
- 27 Kapeller A. (2001) The Russian Empire: A multiethnic history. New York: Longman.
- 28 Kelly O'Neill (2010) Rethinking elite integration. The Crimean murzas and the evolution of Russian nobility. Cahiers du Monde russe, 51/2-3, 397-418.